

А. А. Аксенов
(Комсомольск-на-Амуре)

РАЗ ПРИКОСНУВШИСЬ К ЕГО МОХНАТОЙ ШКУРЕ – УЖЕ НЕ ОТПУСТИТЬ НИКОГДА...

(некоторые критические замечания и дополнения к геральдической проблеме
«барсо-бавро-тигро-бавроведения» иркутского герба)

Вместо предисловия

Цель данной статьи двояка. С одной стороны, это решение частных задач отечественного гербоведения, его особого вопроса, который можно обозначить как «геральдическое барсо-тигро-бавро-бавроведение», с другой (и эта цель выступает гораздо более важной) – обратить внимание на необходимость публикации важных первоисточников отечественной геральдики.

По достижении первой цели мы постараемся ввести в научный оборот ранее неопубликованные архивные источники и провести по ним возможный, хотя в некоторых случаях предварительный анализ. По второй, этим докладом мы хотим привлечь внимание широкой научной общественности к проблеме недостаточного распубликования первоисточников геральдики в целом и, в частности, одного из главных ее источников – так называемого Гербовника Рейтерна – сборника, содержащего большое количество оригинальных изображений российских территориальных гербов, прошедших «высочайшую» конфирмацию (с 25 октября 1841 года по 3 февраля 1917 года) и представляющих изумительные по красоте рисунки и, что немаловажно, это именно те изображения, которые были одобрены и утверждены российскими монархами в качестве официальных территориальных гербов.

Сразу хотелось бы обозначить позицию по возможным противоречиям новых исторических данных трудам уважаемых и всегда высоко оцениваемых, за их кропотливую работу по анализу исторических источников, авторов – И. Г. Куренной, Г. И. Королева, В. В. Гасельника, И. Б. Емелина – введение в оборот новых источников неизбежно ведет к уточнению, а то и к полному опровержению высказанных ранее утверждений.

С российской территориальной геральдикой в комплексе мы зачастую знакомы благодаря репринту книги (не хочется называть ее гербовником, хотя формально все признаки такового гербового собрания присутствуют) П. П. фон Винклера¹. Благодаря значительному тиражу и ажиотажному спросу на геральдическую информацию в начале 1990-х годов эта книга стала выступать неким катехизисом отечественной геральдики (Г. В. Калашников также образно называет ее «геральдической Библией»)². Не буду останавливаться на этом аспекте – недостатки труда Винклера (фактологические и иллюстративные) неоднократно изложены в научных публикациях³.

Несовершенство блazonа, ошибки в «*Полном собрании законов Российской империи*» (ПСЗ РИ) (вторичном источнике по отношению к Сенатским указам и другим официальным документам) делают публикацию «*Гербовника Рейтерна*» и широкое тиражирование этого источника единственно верным решением. Можно сказать проще, но более пафосно: если мы не видели рисунков гербов из «*Гербовника Рейтерна*», то мы не имеем визуального представления о российской городской геральдике времен Николая I – Николая II в принципе.

Еще один интересный памятник российской геральдики – фонд 1343 Российского государственного исторического архива, дела которого, включенные в опись № 15, представляют архивные материалы гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената, и предшествующих ему геральдических учреждений.

Как особый раздел этого фонда следует та часть, которая посвящена отдельным делам, разбитым территориально и посвященным процессам решения вопросов разработки гербов отдельным российским городам⁴. Считаем, что эта часть фонда обязательно должна быть опубликована или по крайней мере присутствовать в открытом доступе в виде отдельных электронных документов⁵.

И особую часть должны, конечно же, составлять так называемые проекты барона Кёне, часть которых опубликована в отдельных статьях в журнале «*Гербовед*», в книгах по региональной символике и других источниках, но подобные разноформатные вещи, разрозненные по разным источникам, не дают представление об объеме геральдического творчества периода второй половины – третьей четверти XIX века⁶.

Можно по разному относиться к Кёне как к личности, к его творчеству, но нельзя отрицать, что геральдическая деятельность барона – это отдельный, особый пласт российской геральдической традиции, и объем его работ, проектов, созданных по большей части втуне, – впечатляет. Кто из любителей геральдики отказался бы от книжного томика, в котором были бы собраны все известные проекты территориальных гербов, созданные бароном Кёне? Пусть даже без личного портрета барона, штрихи к которому были набросаны в разное время И. Г. Спасским и Е. В. Пчеловым⁷. К другим важным первоисточникам российской геральдики следует добавить проекты статистического комитета, журналы заседаний гербового отделения и как отдельное издание (но здесь структурно сложнее, поскольку должно присутствовать текстовое сопровождение) – местные проекты, пришедшие как ответы на запросы Гербового отделения и сугубо местные инициативы.

Нужен также и черно-белый сборник, дающий быструю справку об интересующем гербе. Сборник по типу Винклера, но содержащий выверенную информацию и с рисунками из ПСЗ РИ и других официальных источников (то, что было осуществлено Д. А. Бойко как продолжение труда Винклера по гербам 1900–1914 годов)⁸.

I. Рисунки гербов Иркутского наместничества 1790 года.

Рисунки 1790 года?

Когда мы слышим о гербах, утвержденных 26 октября 1790 года, мы неизменно видим изображение Иркутского наместнического герба и верхнюю часть двучастных гербов с реалистичным тигром, несущим в зубах соболя (ил. 1). П. П. Винклер в своем труде поступил еще проще – заменил в описании непонятного, требовавшего объяснений бобра на тигра⁹. И везде, во всех источниках подпись к рисункам указывает, что это именно

Ил. 1. Герб Иркутска. Из: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1843. Книга чертежей и рисунков. Государственный Эрмитаж

те гербы, которые были утверждены 26 октября 1790 года¹⁰. Эти изображения настолько привычны в историографии, что мы доверяем им безраздельно. Но так ли это в действительности? Что за источник мы действительно видим в этих изображениях, не оказывает ли он нам в этом вопросе медвежью услугу?¹¹

Доклад Сената о гербах Иркутского наместничества, представлявший собой помимо текста доклада также общее «Описание Гербов Городам Иркутского Наместничества» и рисунки семнадцати гербов, выполненные на отдельных листах, был подтвержден Екатериной II 26 октября 1790 года с резолюцией «Быть по сему»¹².

В описании городского герба Иркутска видим следующее: «В серебряном поле щита бегущий бобр, а в роту у него соболь. Сей герб старой.»¹³

Слово «бобр» в тексте доклада читается четко, без вариантов (ил. 2).

На всех рисунках, как наместнического, так и уездных гербов, также изображен зверь, легко воспринимаемый как бобр (ил. 3)¹⁴. То есть 26 октября 1790 года бобр в гербах Иркутска и городов иркутского наместничества был узаконен.

Из того, что не попало позднее в текст ПСЗ РИ, добавим лишь, что на листах описаний и рисунков гербов присутствует подпись: «Действительный статский советник Лукьян Талызин»¹⁵. Лукьян Иванович Талызин занимал должность герольдмейстера с 1783 по 1794 год, и, видимо, под его непосредственным руководством происходило создание этих гербов, во всяком случае он был вполне согласен с таким вариантом наместнического герба.

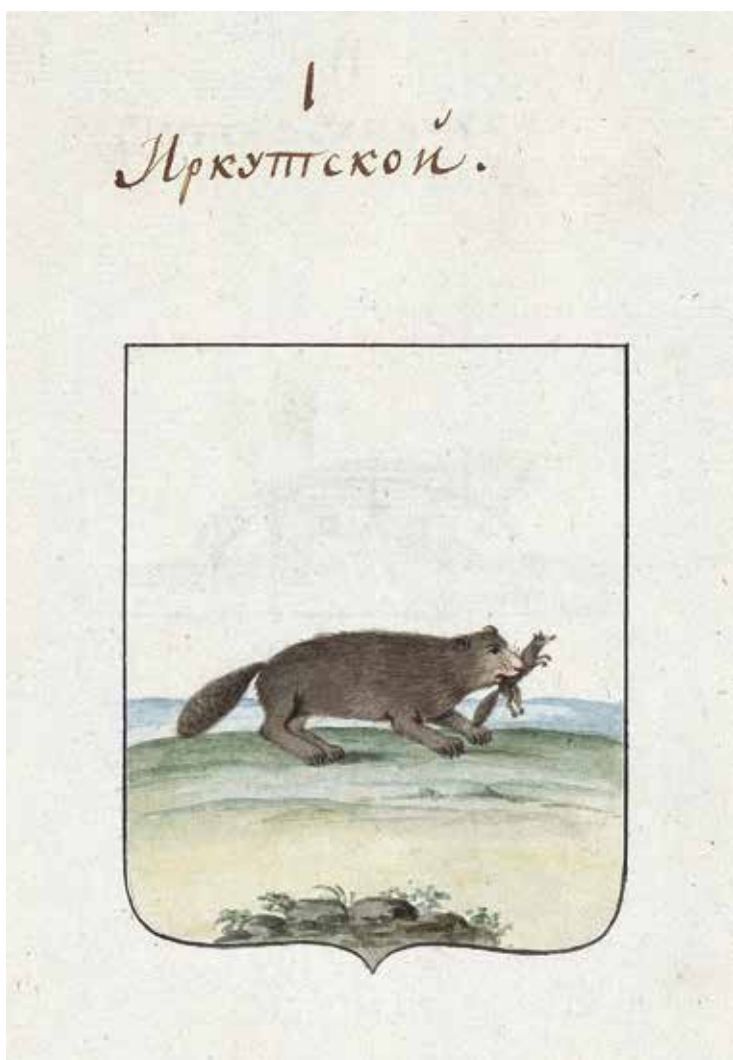
Существует еще один источник, в котором, скорее всего, содержатся гербы Иркутского наместничества, — так называемый Гербовник Талызина. Исследователи этого источника Б. Г. Кишнис и А. И. Сапожников указывают, что в «Гербовнике Талызина» во второй части дано описание императорского герба и описания городских гербов различных губерний и наместничеств России. «Всего дано описание 459 городских гербов, которые были подтверждены в 1772–1790 гг., рисунки их приведены в 3 части»¹⁶.

Нам этот источник, к сожалению, недоступен, поэтому доподлинно утверждать наличие в нем иркутских гербов нельзя (исследователи не конкретизируют более точную финальную дату гербовника). Оставляя как рабочую гипотезу, что составителем этого гербовника также является А. И. Талызин, с большой долей вероятности можно предполагать, что если гербы Иркутского наместничества там присутствуют, то они такие же, как и рисунки в подтвержденном Сенатском докладе.

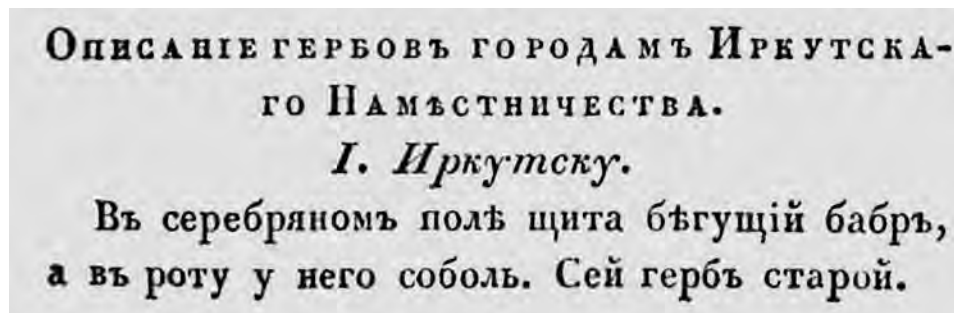
К раннему периоду относится также изображение Иркутского герба, практически полностью аналогичного гербу из указа 1790 года, но почему-то с датировкой «1788»¹⁷. Не беремся комментировать данную датировку, считаем, что это утверждение нуждается в проверке, поскольку лист с гербом Иркутска имеет № 17, и все уездные гербы

Описание Гербовъ Города и Иркутскаго Намѣстничества
Иркутску
Въ серебряномъ полѣ щита бѣ-
лѣйшій Бобръ, а въ роту у него со-
боля. Вся гербовъ старой.

Ил. 2. Описание герба Иркутска из оригинала указа 1790 года. Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 170. Л. 206

Ил. 3. Герб Иркутска из оригинала указа 1790 года. Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 170. Л. 208

Ил. 4. Описание герба Иркутска. Из: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Государственный Эрмитаж

этого наместничества идут далее (до № 33), то предшествующие шестнадцать гербов должны относиться к предыдущему указу об утверждении, который состоялся как раз 4 октября 1788 года¹⁸.

В тексте ПСЗ РИ (1830) мы видим уже замену «бобра» на «бабра», а в томе рисунков ПСЗ РИ (1843) то самое, привычное нашему глазу реалистичное изображение тигра (ил. 4).

Возможное решение проблемы может крыться в процессе подготовки рисунков для тома рисунков ПСЗ РИ. Говоря о подготовке к созданию тома рисунков гербов, И. Б. Емелин указывает, что в 1828 году было решено для снятия копий с рисунков из книг подлинных указов приглашать во II отделение художника Ивана Ивановича Вистелнуса¹⁹.

Если это приглашение состоялось, то это говорит о том, что в руки литографов, позднее изготавливавших рисунки для этого тома, были даны уже не оригинальные рисунки из Сенатского архива, сшитые воедино вместе с другими указами, а копии И. И. Вистелнуса, что расширяет возможность появления вариативности (то есть ошибочности) изображений. Первоначально даже возникло предположение, что появлением тигра вместо бобра мы обязаны исключительно литографу Фр. Водецкому (Fr. Wodecki), имя которого стоит на листах гербов Иркутского наместничества²⁰. Такая ошибка была бы возможна, если бы Водецкий рисовал гербы не по их изображениям, а по описаниям из тома ПСЗ РИ, где должен был бы неминуемо столкнуться с пресловутым «бабром». Но в остальном, за исключением незначительной графической разницы, все рисунки, подготовленные им для «Томы рисунков», в нижней уездной части до мельчайших деталей повторяют рисунки из указа 1790 года.

Таким образом, мы однозначно должны отбросить случайный характер замены. Но тогда наличие ее заставляет предполагать, что случилось некое событие, которое приводит к пересмотру отношения к уже утвержденным гербам. Происходит это в промежутке между 26 октября 1790 года и 1 марта 1830 года (когда оканчивается сбор сведений для формирования первого собрания ПСЗ РИ, где в тексте указа «бобр» фигурирует уже как «бабр») и окончательно закрепляется в новом графическом отражении Указа в 1843 году. Поскольку такая замена не отражена в законодательстве, это фактически означает подмену реального законодательного акта, значит, и основание для такого изменения должно быть веским. И. Б. Емелин приводит примеры, когда, несмотря

на несоответствие описания изображению рисунки в ПСЗ РИ сохранены в том виде, как они содержатся в Сенатских указах²¹.

Архивные поиски в фондах Российского государственного исторического архива дают нам направление, в котором может содержаться ответ на данный вопрос.

Иркутское губернское правление 21 марта 1841 года в ответ на запрос «насчет доставления гербов городам Иркутской губернии» направляет в герольдию Правительствующего Сената письмо за № 1119:

«Герольдия Правительствующего Сената от 31го Августа 1840 года за № 9712, просила Губернское Правление доставить в оную копии со всех гербов, как Губернского, так и уездных городов Иркутской Губернии и приложить описания Гербов. 1^е Отделение Губернского Правления от 21го Декабря № 4823 поручило Иркутскому Губернскому Архивариусу отыскать рисунки гербам, Высочайше утвержденным в 1790 году и доставить в губернское Правление. На это Губернский Архивариус от 12го Февраля сего года № 10го донес, что хотя он и отыскал в подлинных Сенатских указах с 1790 по 1792 год указ за № 3035 с приложением одного экземпляра гербам в городах Иркутского Наместничества, но этот рисунок, как видно по недостающим листам скрепы, вырезан, а кем Губернскому Архиву неизвестно, и для удостоверения представил самое о том дело, но по рассмотрению коего в I^м Отделении, найдено в числе прочих документов письмо, полученное 23 Июня 1791 года на имя Его Превосходительства Михаила Михайловича о несходстве герба городу Иркутску, на котором написано: докладывано 25 Июня 1791 г. В следствии этого 20 февраля № 656, 1^е Отделение просило Архивариуса отыскать самое постановление и дело об этом, и что окажется донести Губернскому Правлению. На это Архивариус от 1го марта № 15 донес, что он отыскав по описям бывшего Губернского Правительства дело начавшееся с 1784го а решенное в 1801 году на 436 листах о печатях, разосланных в здешние присутственные места, в коих полагаю должно, находится требуемое постановление о несходстве герба городу Иркутску, но его при приведении в порядок Г. Бывшим Секретарем Губернского Суда Эзерским дел Губернского Правительства на лицо не оказалось; поэтому Архивариус полагает, что при начатии приведения в порядок дел по Архиву с мая месяца сего года, отыщется этот документ в делах других присутственных мест. А между тем получено 3 марта отношение Герольдии Правительствующего Сената от 18 Января № 543 о поспешнейшем выполнении требования Герольдии по означенному делу. Определено : Г^ш Иркутскому Губернскому Архивариусу предписать, чтобы он со времени начатия приведения в порядок дел, употребил старание свое отыскать переписку об означенных гербах и представил в Губернское Правление, а Герольдию Правительствующего Сената уведомить, что когда найдена будет переписка о гербах, то Губернское правление поспешит доставить гербы городам Иркутской губернии вместе с описаниями о них»²².

31 октября 1841 года Иркутское губернское правление вновь направляет письмо в герольдию за № 4212, где повторно описывает ситуацию и прибавляет: «Для отыскания рисунка, разыскивалось в Архиве дело, начавшееся в 1784 г. о печатях, разосланных в тамошние («зде» **зачеркнуто**, «тамо» **подписано сверху**. – *Примеч. авт.*) присутственные места, но Губернский Архивариус от 7 Октября (**зачеркнуто** – «№ 58». – *Примеч. авт.*) донес, что дела сего по тщательному разысканию в Архиве не оказалось. А по выправке ныне найдено, что при Указе Правительствующего

Сената от 14го Ноября 1790 года № 3035 приложено описание гербов городам Иркутского Наместничества.

Определено: С описания гербам Иркутского Наместничества снять копию, препроводить в Герольдию Правительствующего Сената и уведомить при том, что рисунка тем гербам не отыскано»²³.

Таким образом, из этих двух писем мы имеем следующую картину:

1) 23 июня 1791 года было получено письмо на имя правителя Иркутского наместничества Михаила Михайловича Арсеньева (занимавшего эту должность в 1786–1791 годах) о несходстве герба г. Иркутска. Это несходство касается, видимо, несоответствия рисунку, отправленному в Сенат из Иркутска. Доложена эта информация была 25 июня 1791 года – это исходная задокументированная дата возникновения противоречий относительно утвержденного рисунка Иркутского герба (о гербах уездных городов наместничества речь не идет). Из текста непонятно, откуда было получено данное письмо – скорее всего, из Иркутской городской управы. Возможно, смена Правителя наместничества все в том же 1791 году не позволяет решить вопрос быстро.

2) В архиве Иркутского правления должно быть на 436 листах дело о печатях, разосланных в отдельные здешние присутственные места, начатое в 1784 году и решенное в 1801 году. Причем отыскать его уже в 1841 году не представляется возможным. Если допустить, что дело действительно было решено в 1801 году, то это дает нам дату окончательного решения данного вопроса, после которой искать документы уже не следует. Возможно, дело это было решено в период правления Павла I, что в условиях геральдической лакуарности этого периода в законодательстве, отмечаемой И. Б. Емелиным, не позволяет нам увидеть официальные документы в республикованном виде²⁴.

Возможно, поскольку дело касается печатей, то ответ на интересующий нас вопрос, хоть и косвенно, может быть найден также на основе сфрагистического материала этого периода. Сейчас мы не будем касаться этого вопроса, поскольку это отдельное, самостоятельное исследование.

Не исключен шанс, что ответ на вопрос могут дать местные иркутские архивы, если все-таки удастся найти то самое дело на 436 листах, пропавшее в 1841 году, или переписку учреждений касательно его формирования. М. П. Овчинников, исследовавший архивы от Иркутска до Киренска и опубликовавший об этом статью в 1916 году в «Грудах Иркутской ученой архивной комиссии», пишет, что архив Иркутской городской управы, случайно сохранившийся во время пожара в 1879 году, начинается с 1761 года. Это несколько обнадеживает нас, но далее Овчинников рисует менее радужные и уже знакомые нам перспективы: «Но, к величайшему сожалению, архив этот в 1893 и 94 гг. подвергся хищению, о чем бывший член управы Н. И. Глушков заявлял городской думе, и только благодаря этому заявлению, оберегавший интересы города, городской голова В. П. Сукачев распорядился архив привести в порядок и оградить его от расхищения. Несмотря на это, как теперь выясняется, многих дел – весьма интересных не оказывается, напр. дело о постройке Московских ворот пропало»²⁵.

Также перспективен для нашего поиска архив Иркутского генерал-губернатора, говоря о котором Овчинников указывает: «Не менее интересен в историко-этнографическом отношении архив Иркутского генерал-губернатора, начинающийся с конца 18 стол. Всем делам имеетесь опись»²⁶.

Особую роль в возможности рисунков оригинальных гербов, переданных из Иркутского наместничества, на наш взгляд, может иметь лист из собрания барона Г. Ф. Аша²⁷. Не представляя всех рассуждений по данному рисунку, что опять-таки требует отдельного разговора, мы ограничимся здесь лишь выводами по анализу данного изображения:

1. Несмотря на обозначение рисунка как происходящего из коллекции барона Г. Ф. Аша, автор его остается неизвестным.

2. Рисунок создается однозначно позже 1777 года и также однозначно до 22 мая 1794 года (дата, указанная на сопроводительном письме Г. Ф. Аша в Геттингенский университет).

3. Учитывая, что первое утверждение городских гербов в системе новой двучастной формы состоялось 20 мая 1779 года, рисунок создается позже указанной даты.

4. Следует исключить возможность рассмотрения гербов рисунка как нарисованных по описаниям Указа 1790 года.

5. Большая вероятность создания рисунка до утверждения гербов Иркутского наместничества 1790 года (этот вывод не очевиден, но проистекает из логики анализа изображений утвержденных гербов и гербов рисунка).

6. Изображения рисунков гербов имеют связь с рисунками утвержденных гербов, что позволяет рассматривать рисунок и гербы 1790 года в качестве единого комплекса.

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

1. Следует различать данные оригинального указа 1790 года, его отражение в ПСЗ РИ 1830 года и томе рисунков ПСЗ РИ 1843 года, так как они представляют собой разные этапы становления иркутской символики (П. П. Винклер здесь совсем не интересен, поскольку вторичен по отношению к опубликованным рисункам).

2. Следует полагать, что замена «бобра» на «бабра» в иркутской символике в 30–40-е годы XIX века (а может и раньше) происходит неслучайно.

3. Следует продолжать поиск документальных свидетельств о преобразовании иркутской символики, поскольку перспективы нахождения таких свидетельств весьма высоки.

II. Рисунки гербов Селенгинска и Троицкосавска 1846 года.

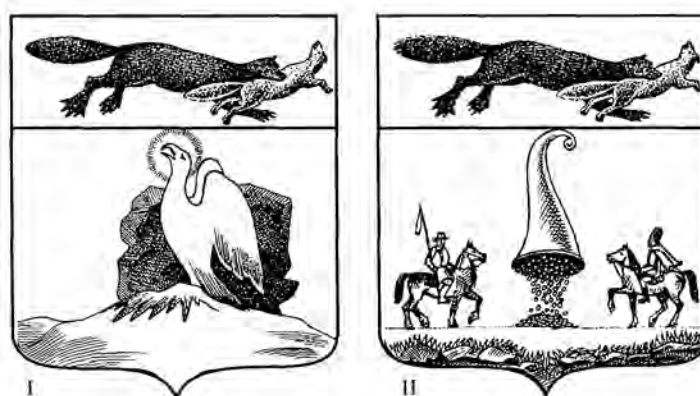
Рисунки 1846 года?

Ведя разговор о гербах городов Селенгинска и Троицкосавска 1846 года со ссылкой на монографию И. Г. Куренной, И. Б. Емелин указал, что «согласно верному замечанию П. П. Винклера, рисунки обоих гербов в „Полном собрании законов“ не приведены. Зато сохранились в архивах и теперь уже опубликованы»²⁸. Попробуем рассмотреть, так ли это, а также выясним, как происходило создание этих гербов, кто явился автором гербовых изображений и что за всадники расположены в гербе Троицкосавска.

Изображения гербов Селенгинска и Троицкосавска были введены в научный оборот в работах И. Г. Куренной (художник рисунков Виктор Кулеш). Изначально цветной рисунок в работе «Летящий из глубины веков», а затем черно-белая прорисовка с него в приложении кандидатской диссертации и тексте монографии «Территориальная символика Восточной Сибири», на которую и ссылается И. Б. Емелин (ил. 5, 6)²⁹.

Ил. 5. Гербы городов Селенгинска и Троицкосавска (художник В. Кулеш).
Воспроизведено по: Куренная П. Г. Летящий из глубины веков. Чита, 1997. С. 49

Ил. 6. Гербы городов Селенгинска и Троицкосавска.
Воспроизведено по: Куренная П. Г. Территориальная символика Восточной Сибири
(вторая половина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2010. С. 216

Ил. 7. Троицкосавская городская управа. Письмо военному губернатору Забайкальской области о гербе Троицкосавска от 17 февраля 1911 года. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 11

Проблема оригинальности данных изображений по отношению к рисункам 1846 года возникает исходя из того, что послужило для них основой. Причем это хорошо объясняется самим автором.

Ирина Григорьевна Куренная совершенно четко указывает в своей монографии: «Но рисунков гербов в книге Винклера нет, нет их также ни в одном посвященном русской геральдике издании или публикации. Вместе с описанием они помещены в „Сборнике Высочайше утвержденных городских и местных гербов“, составленном Гербовым отделением в 1887 г. и хранящимся в РГИА. В 1997 г. их изображения и история были впервые описаны на основе материалов фондов ГАЗК, где хранятся копии, присланные городскими управами этих городов Военному губернатору Забайкальской области В. И. Косову по его просьбе в 1911 г. На каждом архивном листе имеются заверяющие

Ил. 8. Герб Селенгинска. Копия с копии. 1911. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 17

Ил. 9. Герб Троицкосавска. Копия с копии. 1911. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 12.

подписи и пометки: „Копия с копии. На подлинном Собственною Его Императорскою рукою написано: «Утверждаю“.

Красное Село. 20 июля 1846 года»³⁰. Для понимания, о чем идет речь, представляем копии данных документов (ил. 7–9).

Таким образом, изначально считать рисунки, приведенные в работах И. Г. Куренной, копиями с оригинальных утвержденных гербов не приходится – это копии, выполненные с другой копии, которая в свою очередь также представляет копию с оригинала. Считаем, что сразу необходимо пояснить, что под понятием «оригинальное изображение» мы понимаем тот рисунок, который подвергся властной конфирмации, то есть был официально утвержден (в данном случае императором Николаем I) (ил. 10, 11). Несмотря на традиционный примат блазона гербовому рисунку, в «Российской территориальной геральдике» в качестве первоосновы служит именно рисунок, но не как графический эталон, а как образец, перерисовывая который, в силу своих способностей, по возможности, стараются соблюсти. То есть к нему не стремятся, но ему следуют.

Также отметим, что в данном случае автор рисунков не хотел создать новое изображение по описанию герба, где возможно любое авторское видение блазона, как это

Ил. 10. Утвержденный герб Селенгинска. Оригинал. 20 июля 1846.
Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 2

Ил. 11. Утвержденный герб Троицкосавска. Оригинал. 20 июля 1846.
Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 2

представлено, например, в работе Г. В. Калашикова (художник Е. С. Иванова), а постарался максимально точно передать исторический рисунок (ил. 12)³¹.

Чтобы понять, насколько различны эти рисунки, и что получается в итоговом восприятии данных гербов – сравним их. Герб Селенгинска гораздо более простой, поэтому приводим эволюцию его изображения без лишних комментариев³².

Для понимания разницы изображений оригинального рисунка 1846 года, «копии с копии» 1911 года и рисунков из работ И. Г. Куренной сделаем сводную таблицу указанных изображений, взяв за основу фигуры всадников из левой и правой части герба Троицкосавска (в прямом, от зрителя, восприятии).

Ил. 12. Современная интерпретация герба города Троицкосавска (художник Е. С. Иванова). Воспроизведено по: Калашиков Г. В. Старинные гербы российских городов и земель. [Б. м.], 2014. С. 230.

Таблица 1

Сравнительный анализ изображений всадников с герба Троицкосавска

Изображение 1846 года	Изображение 1911 года (Чита. Копия с копии)	Изображение из работ И. Г. Куренной
Левый. Всадник имеет копьё (или пику) с узким красным флажком, надетым на него. За спиной ружье (дуло раструбом), в правой руке нагайка. На голове восточная шапка с меховой оторочкой (возможно, с круглым навершием). Штаны белые в красную вертикальную полоску. Шапка и кафтан (халат?) оливковые. Возможно, наличие на груди металлической защиты. Седло зеленое.	Левый. Всадник в белой одежде. На голове шляпа с полями. В руке палка, на конце которой красный с двумя косицами флажок. Рудиментарны цвет штанов и налчие нагайки. Фигура демилитаризована (разоружена) – флаг не выступает в роли пики (или копья).	Левый. Всадник в шляпе с полями. В руке держит палку, на которую что-то надето (петля, синий мешок, синий хвост животного?). Одет в красный халат. Штаны и шляпа белые. Фигура демилитаризована (разоружена).
Правый. Шапка красная с меховой белой оторочкой. Светлый, возможно, меховой плащ. Штаны светлые. Кафтан синий с красным поясом, на котором приторочена сабля. Из вооружения присутствует также пика. За седлом находится белая с красными полосками тканевая сумка.	Правый. Одет в синий кафтан. На голове красная шапка, формой напоминающая восточную феску. Плащ и штаны светлые. Фигура демилитаризована (разоружена).	Правый. Шапка темная (почти черная). Кафтан белый, на плечах красный плащ. Седло белое. Сумка за седлом отсутствует. Фигура демилитаризована (разоружена).

В целом мы видим, что в случае с гербом Троицкосавска складывается во многом типичная для отечественной территориальной геральдики ситуация, что мы руководствуемся и тиражируем не первый и лучший, как по качеству, так и по художественному исполнению вариант, а более поздние, не всегда хорошие рисунки. В случае с гербами Селенгинска и Троицкосавска это даже не рисунки 1911 года, обозначенные как «копия с копии», а копия уже с этих изображений (то есть третий вариант последовательно копирования с оригинала). Еще раз обозначу нашу позицию, что в данном случае это не критика авторов, которые зачастую по крупницам воссоздают геральдическое наследие, а опять-таки насущная необходимость публикации первоисточников, которые, к счастью, имеются.

История создания гербов Селенгинска и Троицкосавска хорошо представлена в «Записке по рапорту Г. Министра Внутренних Дел о гербах Иркутской губернии, городов Селенгинска и Троицкосавска»:

«Г. Министр Внутренних Дел в рапорте от 28го Апреля за № 166 своим изъясняет, что Генерал-Губернатор Восточной Сибири доставил к нему для двух, Иркутской губернии, городов Селенгинска и Троицкосавска не имевших Высочайше утвержденных гербов два вновь проэктированных герба, означающие для первого, возрождением Феникса, новое его устройство, а для последнего, рогом изобилия монет, торговое его обогащение. Находя такое в гербах эмблематическое значение Селенгинска и Троицкосавска вполне соответствующим настоящему положению сих гербов, он Г. Министр Внутренних Дел представляет при сем, на основании Св. Зак. 1842 г. Т. 1^ю п. 13 к ст. 435 п. 1^ю, два рисунка сказанных гербов, с изображением также губернского города в верхней части щитов на благоусмотрение Правительствующего Сената. Описание самих проектов гербов Городам Селенгинска и Троицкосавска, Г. Министром при рапорте представлено не было. В следствие чего, на отношения Герольдии Статистическое Отделение 19го Июня и 30 Июля уведомило, 1^е, что по проекту Генерал Губернатора Восточной Сибири, герб Селенгинска представляет возрождающегося Феникса в знак нового устройства сего города, а герб Троицкосавска представляет рог изобилия монет, означающий торговое сего города обогащение. И 2^е, что в Троицкосавском гербе, по сторонам рога изобилия монет два всадника: на правой стороне казак, а на левой Бурят, изображены как местные обитатели, пользующиеся плодами торгового обогащения.

Приказали: Герольдия рассмотрев (**вычеркнутые нечитаемые несколько слов.** – *Примеч. авт.*) означенные гербы, находит, что они составлены согласно с правилами Геральдики и сообразно настоящему положению городов Селенгинска и Троицкосавска полагает сделать подробное описание сих гербов, а именно: герб г. Селенгинска, щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле губернский герб, а в нижней, пространной, в голубом поле на вершине зеленого холма возрождающийся Феникс; герб г. Троицкосавска, щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле губернский герб, а в нижней пространной в голубом поле рог изобилия, из коего сыплются золотые монеты, по сторонам онаго, на песчаном грунте, справа казак, а слева Бурят, оба верхом на конях. С каковым мнением и доложить дело сие Пр-шему Сенату»³³.

Из предшествовавшей этому письму переписки важный момент составляет отсутствие значительной информации о всадниках, находящихся на гербе Троицкосавска. Занимаясь этим гербом, товарищ герольдмейстера вопрошал в июле (более точная дата в документе не указана) 1845 года Статистическое отделение совета МВД:

«Какие всадники помещены по обеим сторонам рога изобилия в (зачеркнуто «гербе». – *Примеч. авт.*) Троицкосавском гербе?»³⁴

На что 29 июля 1845 года последовал следующий ответ: «Статистическое Отделение Совета Министерства Внутренних Дел, в дополнение к отношению своему от 18го минувшего Июня за № 256, имеет честь уведомить Герольдию Правительствующего Сената, что в описании Троицкосавского герба, которое изъяснено в представлении Генерал Губернатора Восточной Сибири, ничего не сказано о двух всадниках, помещенных по сторонам рога изобилия монет, означającego торговое обогащение, но из соображения сего описания с самым рисунком герба можно заключить, что означенные всадники, на правой стороне казак, а на левой Бурят, изображены как местные обитатели, пользующиеся плодами торгового обогащения»³⁵.

28 мая 1846 года по указу его императорского величества Правительствующий Сенат в общем собрании первых трех департаментов слушали записку по рапорту Г. Министра Внутренних Дел о гербах для городов Селенгинска и Троицкосавска, Иркутской губернии. По окончании доклада «Приказали: Общее Собрание Правительствующего Сената рассмотрев представленные Г. Министром Внутренних дел проекты гербов для городов Селенгинска и Троицкосавска Иркутской губернии и находя, что они составлены правильно, согласно с местностью каждого города, – полагает предоставить Г. Управляющему Министерством Юстиции поднести вышеозначенные проекты гербов к Высочайшему утверждению через Комитет Гг. Министров; для чего в Департаменте Министерства Юстиции передать копию с сего определения»³⁶.

Впечатляет количество людей, принявших данное решение: «Резолюцию сию дали Гг. Сенаторы: Кн. С. И. Давыдов, Гр. А. Г. Кушелев-Безбородко, А. Д. Башуцкий, Е. Ф. фон Брадке, М. Н. Жемчужников, Гр. В. П. Завадский, А. Д. Боровков, М. Н. Муравьев, С. С. Ланской, К. М. Бороздин, Кн. И. А. Лобанов-Ростовский, П. С. Кайсаров, А. В. Кочубей, Ф. П. Лубяновский, П. И. Нейдгард, С.Ф. Маврин». Плюс к этому документ подписал также и герольдмейстер Д. Н. Замятнин»³⁷.

3 августа 1846 года министр юстиции статс-секретарь В. Н. Панин направил в Правительствующий Сенат «Предложение»: «Согласно определению Правительствующего Сената, я вносил в Кабинет Гг. Министров проект гербов для городов Селенгинска и Троицкосавска, Иркутской губернии. Комитет полагал означенные проекты гербов поднести на Высочайшее Его Императорского Величества на утверждение. На проектах гербов написано в Красном Селе 20 Июля 1846 года Собственною Его Императорского Величества рукою „Утверждаю“. Таковые Высочайше утвержденные гербы я имею честь предложить при сем Правительствующему Сенату». Внизу листа идет приписка: «Слушано в об. Собрании 7 Августа 1846 в Департ. 23 Авг.»³⁸.

На этом разговор об утверждении означенных гербов можно было бы закончить, если бы не еще одно обстоятельство. Герольдмейстеру министр юстиции В. Н. Панин 7 августа 1846 года направляет письмо со следующей информацией, написанной после новости об утверждении: «При сем последовала Собственноручная Высочайшая резолюция: „Рисовано хорошо, в первый еще раз; пора было!“ Предложив Правительствующему Сенату утвержденные гербы я поставляю Ваше Превосходительство в известность об означенной Высочайшей резолюции»³⁹.

Это привело к тому, что во входящем реестре герольдии 9 августа появилась запись: «Приказали: Одобренные Его Императорским Величеством гербы для городов

Селенгинска и Троицкосавска Иркутской Губернии для примера в изящной отделке показать художнику герольдии Фомину и прочим которые будут заниматься подобною работою»⁴⁰.

Говоря об авторстве гербов Селенгинска и Троицкосавска, считаем необходимым привести два письма из переписки герольдии со статистическим отделением МВД, которые не только позволяют выявить авторство рисунков этих гербов, но дают хорошее представление о тонком и изящном эпистолярном наследии периода. Первое письмо герольдмейстера Дмитрия Николаевича Замятнина управляющему статистическим отделением МВД Константину Ивановичу Арсеньеву.

«Милостивый государь Константин Иванович.

Представляемые Г. Министром Внутренних Дел в Правительствующий Сенат, для Высочайшего утверждения, проэскты гербов городам Российской Империи, составленные в Статистическом Отделении Совета Министерства Внутренних Дел всегда отличаются изящным вкусом и чистотою в отделке, особенно проэскты гербов городам Иркутской Губернии Троицкосавска и Селенгинска, представленные при рапорте Г. Министра от 18 Апреля сего года за № 166.

Усматривая недостаток в искусстве по этой части живописцев вверенной мне Герольдии и озабочиваясь приисканием лучших художников, я счел неизлишним отнестись к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою не оставить меня уведомлением, не найдете ли вы Милостивый государь, с своей стороны возможность дозволить кому либо из живописцев Статистического Отделения поступить штатным живописцем в Герольдию с сохранением настоящего места своего служения. При сем неизлишнем считаю присовокупить, что живописцы Герольдии получают жалование по 1000 р. асс. в год и сверх того особо установленную задельную плату.

Примите Ваше Превосходительство уверение в совершен- **(Письмо обрывается на полуслове. – Примеч. авт.)**⁴¹.

Ответ герольдмейстеру был вежливым отказом.

«В следствие отношения Вашего Превосходительства, от 13го сего Июля за № 42542, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что Губернский секретарь Яремкевич, на сделанный ему вопрос, дал мне отзыв, что при непрерывных занятиях в Министерстве и слабости зрения его, он не находит возможным занять еще другую должность. За таковым отзывом Г. Яремкевича я не считаю себя в праве сделать какое либо распоряжение в удовлетворение Вашего, Милостивый Государь, желанья, тем более, что только временно управляю Статистическим Отделением до возвращения Действительного Статского Советника Арсеньева, откомандированного в разные губернии по делам службы»⁴².

Ответ Статистического отделения о невозможности совмещать две должности губернским секретарем Яремкевичем говорит о том, что, вероятно, художником гербов Селенгинска и Троицкосавска был именно он. К слову, среди оригиналов утвержденных гербов рисунков с пометой под гербовым щитом «Статистическое отделение Совета М.В.Д.» и «Статистическое отделение Совета М.В.Д.» всего четыре. Первые два – это утвержденные 8 мая 1846 года гербы Барнаула и Кольвани⁴³.

В верхней губернской части гербов Селенгинска и Троицкосавска изображен бобр, направленный в ту же сторону, что и бобр с указа 1790 года. Объяснить наличие самого

бобра после издания тома рисунков ПСЗ РИ (1843) с последовавшей заменой на «бабра» (тигра) можно тем, что художники статистического отделения имели доступ к Сенатскому архиву с оригинальными рисунками указов и в графическом плане руководствовались ими (но это лишь рабочая версия, нуждающаяся в подтверждении).

Бобр отличен от рисунка 1790 года – из статичного полноватого увальня он становится поджарым, динамичным (куда-то бежит). Зверь, находящийся «во рту», значительно увеличивается в размерах – совершенно непропорционально, если это применимо к бобру.

III. Бобр Б. В. Кёне. Бобр Б. В. Кёне?

Третью часть нашей статьи составляет рассмотрение того, является ли Кёне виновным в появлении бобра вместо бабра (тигра) на гербах Иркутска и Иркутской губернии во второй половине XIX века (что, по сути, определило сохранение этого зверя в Иркутской символике на весь оставшийся имперский период – мы имеем в виду официальный статус герба, а не его реализацию в иных сферах бытования).

Несмотря на, казалось бы, очевидность этого утверждения, вопрос этот также не праздный и позволяет по-новому взглянуть на герботворческую деятельность Гербового отделения указанного периода.

Приведем лишь одну цитату из серьезной публикации, поскольку она отражает типичный подход в восприятии кёневского проекта – невозможность такой простой ошибки.

Геннадий Иванович Королёв указывает: «В июле 1878 г. был утвержден отдельный герб Иркутской губернии – «черный бегущий бобр с червлёными глазами» с червлёным же соболем в зубах. Едва ли составители этого герба допустили ошибку, приняв бабра 1790 г. за бобра, как полагают некоторые авторы. Думаю, что выбор основной фигуры был осознанным. Композиция была сохранена, но для отличия губернского герба от городского, бабра (тигра) заменили бобром. Чёрный цвет зверя указывает именно на бобра. Нелепостью является цвет соболя. Гербовую червлень соболя можно объяснить лишь желанием различить по цвету фигуры животных, масть которых в природе одна и та же»⁴⁴.

Мы не будем критиковать этот фрагмент статьи уважаемого исследователя, поскольку при отсутствии необходимых источников, что совсем неудивительно для 2005 года, выводы по частной проблеме иркутской символики были сделаны вполне логичные.

Рассмотрим те моменты, которые удалось выяснить на основании архивных данных.

Изначально обратимся к документу, который с протокольной точностью позволяет говорить, что именно Б. В. Кёне трансформирует бабра в бобра: это «Записка о гербе Иркутской губернии» (ил. 13):

«В описании сего герба в Полном Собрании Законов 1790 года (№ 16913), фигура в щите названа бобром, в рисунке же изображен тигр, в ландшафте, бегущий влево, что не допускается по правилам Геральдики. В прилагаемом при сем рисунке находится бобр геральдической формы»; под рисунком подпись – «Управляющий Гербовым Отделением Б. Кёне, Секретарь Тимофеев»; наличие подписи секретаря Гербового отделения коллежского асессора Павла Петровича Тимофеева, впрочем, не делает его сопричастным к этой ошибке⁴⁵.

Ил. 13. Оригинал «Записки» Кёне о гербе Иркутска. 4 ноября 1858. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 2

Структура аналогичных «Записок» Кёне (в отношении городов Тобольской губернии) была описана А. В. Кошелевым: «Все дела имеют, приблизительно одинаковую структуру. Вначале, как правило, идет записка о губернском гербе с описанием и изображением проекта герба, далее герб губернского города и затем гербы уездных (окружных) и заштатных городов. По каждому городу имелось по три документа. Первый – записка с описанием и изображением „старого“ герба, утвержденного в 1785, 1790 и 1804 гг. и обоснованием необходимости его исправления в соответствии с утвержденным в 1857 г. геральдическим кодексом. Второй – описание проекта герба, составленного Кёне. И третий – черно-белый, графический рисунок проекта герба»⁴⁶.

Со своей стороны лишь добавим, что Кёне использует в качестве иллюстративного источника вырезки гербов из тома рисунков ПСЗ РИ (1843), что, скорее всего,

и определяет его понимание и именование этого источника как «Гербовник Губерний и городов», и, что главное, формирует базовое системное представление барона о российской территориальной геральдике⁴⁷.

Отмечая в тексте «Записки» правило практической геральдики – недопустимую сторону фигуры «бобра», явно, Кёне одновременно говорит и о недопустимости в гербах ландшафта, но в описании эта часть информации перекрывается (или вытесняется) обсуждением стороны фигуры (становится неясной).

Судить о категоричной неприемлемости ландшафта в гербах мы можем благодаря еще одной записке Кёне. На сей раз это не описание отдельного гербового изображения, а критика сложившейся русской геральдической традиции в целом. Называется она «Записка [Б. В. Кёне] по вопросу об упорядочении гербового дела в России». Оценивая, вероятно, тот самый том рисунков ПСЗ РИ, который составил основной источник информации о русской территориальной геральдике, Кёне пишет:

«Гербовник Губерний и городов содержит весьма немногие гербы, составленные согласно с требованиями науки, так, что большая часть помещенных в оных эмблем, вовсе противны основным правилам Геральдики; при том же в некоторых гербах встречаются такие краски, которые вовсе неизвестны и неупотребимы в Геральдике. – По всем этим уважениям, упомянутые гербы, содержащие ничего не значащие эмблемы, надлежали бы тщательному пересмотрению и вторичному представлению на Высочайшую конфирмацию. (х)

х) Большая часть городских гербов, похожа больше на вывески, нежели на гербы; а помещенные в щитах эмблемы как то: кучи соли, связки льна, куски железа и проч. Могли бы быть заменены геральдическими фигурами т. е. ромбами :/ losange :/, кубками /: billette :/ шарами /: tourtean :/ и проч. Многие другие щиты городских гербов представляют целые ландшафты, не имеющие даже и следов геральдической композиции»⁴⁸.

«Целые ландшафты» – это в том числе и про Иркутский герб. Ландшафт при переработке незамедлительно исчезает, и новый проект содержит более классические, по мнению Кёне, гербовые черты.

Описание спроектированного герба для Иркутской губернии следующее:

«В серебряном щите черный бегущий бобр с червлеными глазами, держащий во рту червленого соболя. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою, (текст перечеркнут – согласно Высочайше утвержденным правилам. – *Примеч. авт.*) : см. Сенатские ведомости 1857 года № 73, рис. А 1 и В 1 : / » . Вверху листа указана дата «4 Ноября 1858 г.» (ил. 14)⁴⁹.

Описание герба губернского города Иркутска аналогичное, только дата его создания 17 февраля 1859 года, и в проекте присутствуют приличествующие статусу Иркутска околощитовые украшения: «щит увенчан золотою башенною короною о трех зубцах, за щитом два накрест положенные, золотые молотка, соединенные Александровскую лентою, согласно Высочайше утвержденным правилам /: см. Сенатские ведомости 1857 года № 73, рис. А ва и Г4:/» (ил. 15)⁵⁰.

Оценивая получившийся рисунок проектируемого герба для Иркутска, кто-то отдельно акцентировал внимание на форме хвоста и перепончатых лапах, исправив их конфигурацию поверх первоначального изображения⁵¹.

Ил. 14. Проект герба Иркутской губернии. 4 ноября 1858. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 4

Ил. 15. Проект герба губернского города Иркутска. 17 февраля 1859. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 6

Герб Иркутской губернии был узаконен в числе 46 гербов губерний и областей Российской империи 5 июля 1878 года в Царском Селе (ил. 16)⁵². Иркутский герб остался только в проекте.

В принципе, здесь можно было бы поставить точку, окончательно обвинив Кёне в халатной и весьма нелепой трансформации бабра в бобра. Если бы не одно «но», впервые отмеченное в публикации Владимиром Валерьевичем Гасельником.

Как справедливо указывает В. В. Гасельник со ссылкой на некогда опубликованный нами проект герба Николаевска-на-Амуре 1859 года, Кёне не единственный, кто подписался под гербовым проектом⁵³. Следовательно, ответственность за эту ошибку следует разделить между всеми лицами, подписавшими данный документ.

Гасельник удивительно точно выбрал для аналогии проект, подписанный в тот же период, что и проект герба Иркутска (не зная о нем и его датировке), что позволило ему оперировать близкими аналогиями. Под обоими рисунками Иркутских гербов стоят подписи действительного статского советника Степана Ивановича Афонасенко, коллежского советника, произведенного за время, разделяющее эти проекты, в чин статского советника Н. Колесова, и только третьим стоит подпись коллежского советника Б. В. Кёне (плюс в первом проекте вновь присутствует подпись секретаря Гербового отделения П. П. Тимофеева)⁵⁴.

Здесь закономерно возникает следующий вопрос: насколько первые две подписи, несмотря на более высокие должности, значимы для отечественной геральдики? Может, это не более чем молчаливые статисты, лишь звено в бюрократической машине,

Ил. 16. Утвержденный герб Иркутской губернии. Оригинал. 5 июля 1878.
 Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 4. Л. 264

не особо разбирающиеся в вопросе, но необходимая прослойка в этой системе? Кто-нибудь знает об отечественных геральдистах С. И. Афонсенко и Н. Колесове или других?

Мы привыкли думать, что управляющий гербовым отделением Кёне творит практически в одиночестве – он реформатор, в руках которого сосредоточены все нити, он автор общей системы и всех проектов в отечественной геральдике конца 50–60-х годов XIX века, которые и носят в историографии собирательное наименование «Проекты Б. В. Кёне». Но абстрагируясь от этого утверждения, проверим, так ли это было на самом деле, не было ли прецедентов, когда мнение первых двух персон существенно расходилось бы с мнением Кёне, и чья тогда оценка имела первостепенное значение, и главное, кто принимал решение об этой правильности.

Начнем с того, что часть ответов на эти вопросы мы находим «В инструкции о порядке делопроизводства в Гербовом Отделении, учрежденном при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената». Она небольшая по объему, но крайне интересная по содержанию.

В нескольких параграфах «Инструкции» мы находим следующую регламентацию действий при рассмотрении проектов гербов: «§ 2. Заседания Членов Гербового Отделения открываются в десять часов утра и могут продолжаться до 3^х часов по полудни, два раза в неделю, в положенные для присутствия дни, но в случае накопления дел управляющему Гербовым Отделением предоставляется просить, за неделю, Герольдмейстера о назначении одного или двух чрезвычайных заседаний.

§ 3. Проекты гербов и всех актов, коих изготовление требует знания Геральдики, изготавливаются по указанию Управляющего Отделением, который и вносит их на обсуждение Присутствия Гербового Отделения.

§ 4. В суждении по делам, касающимся Гербового Отделения участвуют все три члена с одинаковым правом голоса, но заключение их, для приведения оно в исполнение, должно быть единогласное.

§ 5. В случае, если между Членами Присутствия Гербового Отделения последуют разные мнения, то мнения сии записываются в особом журнале.

§ 6. Журнал должен быть подписан всеми Членами, скреплен секретарем и по подписании представлен Герольдмейстеру, который с мнением своим вносит дело на рассмотрение Министерства Юстиции»⁵⁵.

Итак, как данность мы имеем следующее: все три члена имеют одинаковое право голоса, это говорит о том, что подписание проектного документа – процесс не последовательный, не поэтапный, а одномоментный, в ходе заседания, предполагающий совместное обсуждение проектов. И при едином мнении всех трех членов, теоретически, такой проект не должен иметь особых проблем в дальнейшем движении по инстанциям. Но, как мы видим, теоретически (и предполагаем на практике) результат может быть не только единогласным. И тогда окончательное решение принимает, по представленному мнению герольдмейстера, уже Министерство юстиции. Теоретически все понятно. Но здесь круг возможных вопросов немного увеличивается. А реально в практике, были ли случаи несогласия членов комиссии, когда мнение Кёне не совпадало с мнением двух других членов? Чье мнение тогда важнее? Большинства? Или все-таки мнение Кёне имеет особый приоритет? На чьей стороне будут герольдмейстер или Министерство юстиции? Ответы на эти вопросы в конечном итоге позволяют узнать и о важности для геральдики двух остальных персон, на сегодняшний день практически безликих в ней⁵⁶.

И такой прецедент в отечественной геральдике присутствует. Рассмотрим некоторые моменты из истории формирования проекта герба для Кяхтинского градоначальства и г. Троицкосавска (его центра), как показательные в этом отношении⁵⁷.

Представим разницу во мнениях членов присутствия гербового отделения о гербах Кяхтинского градоначальства и Троицкосавска в изложении вице-директора Министерства юстиции: «Рапортом за № 1754 Ваше Превосходительство донесли Г. Управляющему Министерством Юстиции о произошедших в Гербовом Отделении разных мнениях, относительно герба для Кяхтинского Градоначальства.

Из помянутого рапорта и приложенного к оному журнала Гербового Отделения видно, что по делу сему в главных основаниях последовали два мнения:

Одно – Г. Управляющего Гербовым Отделением, Статского Советника Кёне, который полагает в гербе Кяхтинского Градоначальства изобразить: дракона, три гонта, Царскую корону на щите и колосья вокруг щита.

Ил. 17. Проект герба Кяхтинского градоначальства (Б. В. Кёне). 1860. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 293. Л. 30

Ил. 18. Проект герба Троицкосавска (Б. В. Кёне). 1860. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 293. Л. 31 Б

Ил. 19. Проект герба Кяхтинского градоначальства (С. И. Афонасенко и В. В. Ленц). 1860. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 293. Л. 34

Ил. 20. Проект герба Троицкосавска (С. И. Афонасенко и В. В. Ленц). 1860. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 293. Л. 36

Другое – двух Членов Гербового Отделения, Действительного Статского Советника Афонасенко и Статского Советника Ленца, которые полагают в гербе Кяхтинского Градоначальства поместить не дракона, а только голову дракона и четыре гонта, с царскою короною на щите и дубовыми листьями вокруг щита.» (ил. 17–20)⁵⁸.

Как видим, мнение Кёне идет первым (что может говорить о некоем приоритете), но он в данном случае один противостоит мнению большинства.

В письме к «исправляющему должность герольдмейстера» Л. М. Муравьеву от 21 апреля 1860 года Кёне дополнительно обосновывает свою позицию относительно проекта Ленца и Афонасенко.

«Его Превосходительству Господину Исправляющему должность Герольдмейстера Действительному Статскому Советнику и Кавалеру Леониду Михайловичу Муравьеву. Управляющий Гербовым Отделением Кене.

Рапорт.

В дополнение особенного журнала Присутствия Гербового Отделения 15 Марта 1860 года представленного вместе с сим, честь имею объяснить Вашему Превосходительству что я не могу согласиться с мнением Г.г. членов Ленца и Афонасенко относительно изображения в гербе Кяхтинского Градоначальства головы дракона ибо дракон, составляется из верхней половины орла и нижней змеи, голова же дракона таким образом будет голова орла, фигура вовсе не означающая Китая, что же касается до языка, то и орлы иногда изображаются с языками в виде жала, на против того драконы с обыкновенным языком, так например в сочинении Спенера на таблице 15ой. Фигура дракона во всяком случае яснее, каждому понятно, что она изображает Китай и невозможно назвать ее сложною, ибо она употребляется в весьма многих гербах; по прочим же пунктам – журнала я согласен с мнением Г.г. членов.

Управляющий гербовым отделением Б. Кене»⁵⁹.

На основании этого 30 мая 1860 года уже Муравьев описывает ситуацию и свое видение управляющему Министерством юстиции Дмитрию Николаевичу Замятнину. Ирония судьбы – это тот самый экс-герольдмейстер Д. Н. Замятнин, занимавший эту должность с 30 декабря 1840 года по 1847 год и занимавшийся гербом Троицкосавска в 1846 году⁶⁰.

«Его Превосходительству Господину Управляющему Министерством Юстиции, Сенатору, Тайному Советнику и кавалеру Дмитрию Николаевичу Замятнину, Исправляющего должность Герольдмейстера.

Рапорт.

Предписанием от 13 Ноября за № 20295, Г. Министр Юстиции приказал проектируемый для Кяхтинского Градоначальства герб рассмотреть вновь в Гербовом Отделении и сообразить с гербом города Троицкосавска, Высочайше утвержденным в 1846 г.

Вследствие чего сие дело и было передано в Гербовое Отделение, которое по исполнении на него возложенного соображения, представило особый журнал по сему делу состоявшийся, а Управляющий Отделением, Статский Советник Кёне, особое свое мнение, так как он не по всем статьям соглашается с журналом Общего Присутствия.

В том же предписании Г. Министра Юстиции было объяснено, что бы на будущее время, при изменении гербов представляемых Г. Министру Внутренних Дел, руководствоваться прежним порядком, а именно: препровождать к Г. Министру Внутренних Дел проекты гербов составленные Гербовым Отделением и уже по согласованию Министра представлять на утверждение Господина Министра Юстиции.

Так как ныне представляемому гербу Кяхтинского Градоначальства в Гербовом Отделении составились разные мнения, то имею честь два проекта, вместе с следующими приложениями представить на предварительное одобрение Вашего Превосходительства, с тем, что **[зачеркнуто «бы»]** тот рисунок, который **[зачеркнуто «будет»]** изволите найти удовлетворительным **[зачеркнуто «препроводить Г. Министру Внутренних Дел», сверху «будет предложен Пр. Сенату для препровождения к Г.М.В.Д.]**

К сему имею честь присовокупить, что по сему предмету я бы полагал: 1., Щит сделать червленый, применяясь к проэку одобренному Господином Министром Юстиции в 1855 г., тем более, что предполагаемый дракон будет резче выходить на червленом поле чем на голубом, которое предлагает Отделение. 2., Изобразить не одну голову дракона, как полагают два члена Общего Присутствия, но согласно с мнением Статского Советника Кёне целого дракона, на том основании, что одна голова дракона по сходству с орлиной, не вполне выражает идею о Китайской Империи, 3., В гербе города Троицкосавска, изобразить золотую трех-башенную корону, какая полагается для губернских городов; но как в Высочайше утвержденных 22 Июня 1857 года правилах ничего не сказано о коронах, которые должны быть употребляемы при гербах главных городов Областей и Градоначальств, то и испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволения на присвоение сим городам корон, утвержденных для городов Губернских.- 4., Об украшениях вокруг гербов Кяхтинского Градоначальства и города Троицкосавска, я вполне разделяю мнение Общего Присутствия Гербового Отделения»⁶¹.

Как видим, Л. М. Муравьев занимает позицию Кёне, отвергая вариант Афонасенко и Ленца. Значит, принцип большинства при оценке проектов герольдмейстером не работает. К тому же мы видим, что мнение герольдмейстера может быть любим, в том числе и отличным как от первой, так и от второй позиции.

16 ноября 1860 года Кёне пересылает герольдмейстеру Муравьеву еще один рапорт, в котором обосновывает невозможность помещения золотой башенной короны о трех зубцах на герб Троицкосавска: «В следствие предписания Вашего Превосходительства от 1го сего Ноября за № 3741 имею честь при сем представить исправленные рисунки гербов, для Кяхтинского Градоначальства и города Троицкосавска вместе с описаниями, присовокупляя, что рисованная по проэку Гг. Афонасенко и Ленца золотая башенная корона о трех зубцах по Высочайшему повелению, утверждена только для губернских городов, а не для городов Градоначальств»⁶².

Результатом окончания противостояния в гербовом отделении Департамента герольдии стало письмо, пересланное из Министерства юстиции герольдмейстеру 16 июня 1861 года.

«Господину Герольдмейстеру

Рапортом за № 1754 Ваше Превосходительство представили Министерству Юстиции, на разрешение, о происшедших в Гербовом Отделении разных мнениях относительно герба для Кяхтинского Градоначальства.

В следствии сего, возвращая подлинное производство Департамента Герольдии Правительствующего Сената по настоящему предмету, с журналами Гербового Отделения и следующими к оному рисунками и описаниями, доставленные в Министерство Юстиции при бумагах за № 1754 и 4067, поставляю Вас в известность, для зависящих от Вас распоряжений, что по основаниям, подробно изложенным в отзыве двух Членов Гербового Отделения Действительного Статского Советника Афонасенко и Статского Советника Ленца и согласно с мнением Министерства Внутренних Дел, в гербе для Кяхтинского Градоначальства прилично было-бы поместить в лазурном поле золотую оторванную голову дракона и четыре гонта, так как сей эмблемы по правилам Геральдики, достаточно выражают торговые сношения Кяхтинского Градоначальства с Китаем. Что же касается предположений о том, что бы герб Троицкосавска, как главного города Кяхтинского Градоначальства, украсить вместо Царской, башенною короною и вместо дубовых листьев молотками, то в сем отношении следует руководствоваться общими, до ныне соблюдающимся порядком, по которому герб главного губернского или областного города употребляется в том же виде и для губернии или области (Пол. Соб. Зак. рисунки городских гербов, а равно рисунок Забайкальской области, Высочайше утвержденный в 1859 г.).

Вместе с сим, согласно с имеющимся в виду Министерства Юстиции отношению Г. Управляющего Делами Сибирского Комитета поручаю Вам принять меры к скорейшему окончанию сего дела в Департаменте Герольдии и представлению онаго в Министерство Юстиции, для внесения в Сибирский Комитет.

Управляющий

Министерством Юстиции /подпись/ **Д. Н. Замятнин**

Директор /подпись/ **М. И. Топильский**⁶³.

Противостояние Кёне с Афонасенко и Ленцем завершилось не в пользу первого, даже несмотря на то что его позицию поддержал и герольдмейстер (мнение которого по поводу красного поля также не получило одобрения Министерства). Герб Кяхтинского градоначальства был Высочайше утвержден в «21 день Декабря 1861 года» в том виде, в котором мы его сегодня хорошо знаем (ил. 21)⁶⁴.

Герб Троицкосавска утвержден не был. Формально не был. Кёне здесь проиграл во второй раз. Его реформы столкнулись со стеной традиции в лице экс-герольдмейстера Д. Н. Замятина, хотя те формы существования гербов, которые были приняты в предшествующую эпоху, уже не могут действовать, да и сам министр, а, скорее всего, все тот же Д. Н. Замятнин, говорит о том, что «герб главного губернского или областного города употребляется в том же виде и для губернии или области», то есть переходит от статуса городского к губернскому или областному, но не наоборот. Герб Троицкосавска, по мнению министра юстиции, *de facto* был утвержден, но по новой геральдической системе – *de jure* он отсутствует. Но самое главное: сформированная и законодательно зафиксированная 22 июня 1857 года система дала сбой – в ней изначально упустили ряд статусных элементов, необходимость в которых присутствует, а во-вторых, ее отдали под конечный контроль человеку-традиции (не в этом ли кроется секрет того, что почти все городские проекты Кёне так и остались невостребованными?)⁶⁵. Замятнин занимал пост министра юстиции до 16 апреля 1867 года, и после утверждения герба Кяхтинского градоначальства за этот более чем шестилетний период не был утвержден

Ил. 21. Утвержденный герб Кяхтинского градоначальства. Оригинал. 21 декабря 1861. Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 5. Л. 384

ни один территориальный герб! Первое утверждение состоялось только через полгода после смены Замятнина на посту министра юстиции – 12 октября 1867 года (когда был утвержден герб Оренбургской губернии)⁶⁶. Но тема перипетий гербового творчества барона Кёне – это отдельное исследование.

А сегодня мы видим, что С. И. Афонасенко и В. В. Ленц (скорее всего, мы можем сделать аналогичный вывод и по Н. Колесову) выступают не просто статистами-бюрократами – это мыслящие и имеющие свое собственное мнение в области геральдики люди⁶⁷.

Следовательно, это люди, выражающие не только несогласие, но и свое согласие по какому-либо вопросу также сознательно и принципиально. Таким образом, и воспринимать их согласие в случае с иркутским бобром следует не как простую формальность, а как сознательное разделяемое мнение, то есть совпадающее с предложением (или утверждением) барона Кёне, что делает С. И. Афонасенко и Н. Колесова вполтную сопричастными к вопросу о иркутском «бобре»...

В качестве генерального вывода можно сказать следующее: только публикация первоисточников российской территориальной геральдики может пролить свет на многие вопросы отечественного гербоведения. Необходимость такого подхода продиктована насущными потребностями современности. К примеру, только в одном сборнике Эрмитажа мы видим сразу две статьи, в которых прямо указывается на необходимость восприятия осознания оригинальных изображений в рисунках из Сенатских указов и Государового положения⁶⁸.

Считаем, что публикация «Гербовника Талызина», «Гербовника Рейтерна», Сенатских указов, относящихся к утверждению гербов, а также других указанных выше источников, создаст необходимую источниковую базу – тот корпус геральдических источников, который позволит более качественно подойти к вопросам изучения российского гербового наследия, даст возможность избежать информационного голода и неизбежно порождаемых им заблуждений. Современные технические возможности позволяют осуществить давнюю (более чем 200-летнюю) мечту российских геральдистов (в том числе и тех, кто по долгу службы должен был заниматься территориальными гербами) – иметь полноценный сборник исторических российских территориальных гербов. Тем более что нам есть, чем гордиться – гербовая эстетика будет не лишней как специалистам, так и обывателям, что в свою очередь может способствовать повышению интереса к научному гербоведению, привлечению новых исследователей геральдики, а также формированию интереса и к современной муниципальной символике (как в целях ее изучения, так и создания).

Не лишним напомнить также, что важным поводом для плодотворной активной работы в этом направлении является и приближающийся 300-летний юбилей создания геральдической службы России, который уже совсем не за горами.

¹ Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. Репринт. М., 1991.

² Калашиников Г. В. Старинные гербы российских городов и земель : альбом. СПб., 2014. С. 7.

³ Как пример: Калашиников Г. В. Старинные гербы российских городов и земель. С. 6–8; Аксенов А. А. Книга П. П. Винклера как источник ошибочного восприятия дальневосточной геральдики к XIX – нач. XX вв. // Научное мнение. 2013. № 8. С. 128–133.

⁴ Российский государственный исторический архив Ф. 1342. Оп. 15. Д. 128–346.

⁵ Хороший пример подобной дигитализации представил государственный архив Финляндии, который выложил в свободный доступ высококачественные сканы с оригинальных архивных документов, в том числе и российского периода – *digit. parc. fi* раздел Heraldica I (Vaakunat).

⁶ Мочёнов К. Ф., Коржик Ю. В., Дюков В. Б. Официальные символы муниципальных образований Красноярского края. М., 2011. Проекты Кёне – с. 21, 23–27; Мочёнов К. Ф., Туник Г. А. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. М., 2004. С. 74, 75, 104, 105, 128, 129, 244, 245; Кошелев А. В., Журавков А. Ю. Официальные символы Новосибирской области и муниципальных образований входящих в ее состав : справочное издание. Новосибирск, 2012. С. 248; Гребенштейн А. К., Кондюрин В. К., Рукосуев Е. Ю. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований / 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2012. С. 38, 114, 143, 160, 176, 200, 326; Мочёнов К. Ф., Коржик Ю. В. Липецкая область : История : Современность. М., 2009. С. 88, 89, 104, 105, 120, 121, 144, 145, 160, 161, 184, 185, 196, 197; Мочёнов К. Ф., Коржик Ю. В., Раков А. В., Нагаевский В. В., Шарунов М. В.,

Савелкин В. Н. Официальные символы Краснодарского края и муниципальных образований. М., 2007. С. 152, 270, 271, 272; Геральдическое наследие Республики Татарстан / авт.-сост. Р. Р. Хайрутдинов, Р. Р. Салихов, И. Р. Минуллин, Г. М. Бушканец, И. Л. Измайлов, К. Ф. Мочёнов. М., 2012. С. 74, 75, 126, 127, 146, 147, 152, 153, 172, 173, 188, 189, 206, 207, 218, 219, 230, 231, 276, 277, 282, 283, 300, 301; Геральдический альбом Тюменской области. Тюмень, 2014. С. 69, 79, 88, 98; *Бушканец Г. М.* Территориальная символика Татарстана, XVI–XX вв. // Гербовед. 2005. № 4 (82). С. 14–108, 65 (плюс несколько фрагментов из проектов Кёне); *Кузнецов Д. В., Штуутов А. В.* Земельные гербы и эмблемы Брянского края. Брянск, 2011. С. 146 (фрагменты четырех проектов Кёне) и др.

Причем, на наш взгляд, формат красноярской книги К. Ф. Мочёнова, Ю. В. Коржика, В. Б. Дюкова, при своей компактности, очень хорошо подходит для наилучшего восприятия проектов Кёне. В больших по формату книгах проекты ненамного превышают «красноярские», сопровождаются широкими белыми полями, частично занятыми дополнительной информацией, что отвлекает внимание от самого рисунка. В альбоме гербов Свердловской области при всем его великолепии рисунки проектов Кёне не просто миниатюрны, а микроскопичны, что делает проекты невзрачными и информативно невнятными.

В данном случае мы не выступаем с критикой существующих публикаций проектов Кёне, а пытаемся конструктивно найти оптимальную форму для публикации комплекса проектов территориальных гербов в целом, поскольку данный памятник русской геральдики при всей своей привлекательности остается за рамками подобной комплексной публикации.

⁷ *Спаский П. Г.* Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минц-кабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. [Т.] 8; *Пчелов Е. В.* Создатель герба российской империи (Барон Б. В. Кёне: штрихи к портрету). Приложение // Российский государственный герб :

Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 80–86.

⁸ *Бойко Д. А.* Гербы городов, губерний и областей Российской Империи, внесенные в Полное Собрание Законов с 1900 по 1914 год. Запорожье, 2013.

⁹ *Виккер П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. С. 59.

¹⁰ Не берусь перечислять все источники с такого рода изображением, ограничусь несколькими ранними трудами: *Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974. С. 74, 75; *Реев О.* Гербы городов Иркутской губернии, Амурской, Забайкальской, Камчатской, Приморской и Якутской областей // Наука и жизнь. 1983. № 4. С. 128, 129, 4 стр. обл.; *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России : Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингово морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. С. 86.

¹¹ Г. И. Королев, наверное, первый, кто, говоря о гербе Иркутского наместничества, хорошо разделяет оригинальные гербы 1790 года и гербы из тома рисунков. Рассматривая Иркутский герб в книге «Гербы городов России», он указывает: «Рисунок сопровождается ссылкой на указ 1790 г., изображение взято из гербовника 1843 г., но зверь перекрашен в черный цвет!» Королев Г. И. Бобр и бобр (к истории Иркутского герба) // Гербовед. 2005. № 7 (85). С. 97, 103, 106.

¹² Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 170. Л. 204, 205.

¹³ Там же. Л. 206.

¹⁴ Там же. Л. 208–224.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Китнис Б. Г., Сапожников А. П.* «Гербовнику» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. 1996. № 4 (12). С. 82, 89, 95.

¹⁷ В. В. Гасельник указывает на то, что этот герб был обнаружен директором музея истории города Иркутска И. И. Труновой в РГАДА, опись 171-1 «Дела о гербах российских наместничеств», дело 34. *Гасельник В. В.* Еще один взгляд на историю рождения иркутских городского и губернского гербов // Культура. Наука. Образование. 2015. № 4 (37). С. 108–127; 113, 119, 126.

- Автор благодарит И. Б. Емелина за возможность видеть копию данного архивного листа в полном виде, а также за данные по фондам архивного хранения Сенатских указов, что способствовало решению ряда поисковых вопросов.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 22. С. 1114 (Указ № 16716).
- ¹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 147. Л. 3, 16. Ссылка на фонд приводится по: *Емелин И. Б.* «Полное собрание законов Российской империи» как исторический источник по геральдике: на примере гербов Петрозаводска, Иркутска и других городов // Труды Государственного Эрмитажа. 2020. Т. 102 : Геральдика : Исследования и практика. С. 30.
- ²⁰ Полное собрание законов Российской империи : Книга чертежей и рисунков (рисунки гербам городов). СПб., 1843. Л. 25–28.
- ²¹ *Емелин И. Б.* «Полное собрание законов Российской империи» как исторический источник по геральдике: на примере гербов Петрозаводска, Иркутска и других городов. С. 28.
- ²² Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 287. Л. 2–2 об., 3–3 об.
- ²³ Там же. Л. 4–4 об., 5–5 об.
- ²⁴ *Емелин И. Б.* «Полное собрание законов Российской империи» как исторический источник по геральдике: на примере гербов Петрозаводска, Иркутска и других городов. С. 28.
- ²⁵ *Овчинников М. П.* Отчет о командировке в гор. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 3. С. 355, 356.
- ²⁶ Там же. С. 356.
- ²⁷ *Гасельник В. В.* Кёне – не бобр, и бобр – не Кёне. Новокузнецк, 2016. С. 30.
- ²⁸ *Емелин И. Б.* Бобр – когда грызун появился на гербе Иркутска // Труды Государственного Эрмитажа. 2017. Т. 84 : Геральдика : Исследования и практика. С. 146.
- ²⁹ *Куренная И. Г.* Летящий из глубины веков. Чита, 1997. С. 49; *Она же.* Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2004. С. 229; Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX в.) / отв. ред. М. В. Константинов. Новосибирск, 2010. С. 216.
- ³⁰ Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX в.). С. 215. Приведем здесь также копию сопроводительного листа о доставлении снятой копии с копии герба Троицко-Савска 1911 г.: Государственный архив Забайкальского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 11.
- ³¹ *Калашиников Г. В.* Старинные гербы российских городов и земель. С. 230.
- ³² Государственный архив Забайкальского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 242. Л. 12, 17; Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 6. Л. 637; Там же Ф. 1411. Оп. 1. Д. 7. Л. 739.
- ³³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 287. Л. 31–31 об., 32–32 об.
- ³⁴ Там же. Л. 29.
- ³⁵ Там же. Л. 30.
- ³⁶ Там же. Л. 37–37 об., 38–38 об.
- ³⁷ Там же. Л. 38 об.
- ³⁸ Там же. Л. 39.
- ³⁹ Там же. Л. 40–40 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 41–41 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 27–27 об.
- ⁴² Там же. Л. 28–28 об.
- ⁴³ Российский государственный исторический архив. Барнаул. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 3. Л. 39; Кольвань. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 4. Л. 330.
- ⁴⁴ *Коралев Г. И.* Бобр и бобр (к истории Иркутского герба). С. 103.
- ⁴⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 2.
- ⁴⁶ *Кошелев А. В.* Гербы городов Тобольской губернии, разработанные Б. В. Кёне // Гербовед. 2000. № 5 (43). С. 37.
- ⁴⁷ В современной электронной переписке с автором И. Б. Емелин также отмечает, что в лист «Записки» вклеен фрагмент листа из ПСЗ РИ, что лишний раз подтверждает важность понимания источника, взятого Кёне за основу. Эта вклейка также вызвала интерес и вопрос Г. М. Бушканца во время доклада на конференции.
- ⁴⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1493. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.

- ⁴⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 288. Л. 4.
- ⁵⁰ Там же. Л. 6.
- ⁵¹ Учитывая цвет чернил на дорисовках и подписях под рисунком, возможно, это мог быть Н. Колесов.
- ⁵² Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 4. Л. 264.
- ⁵³ *Гасельник В. В.* Еще один взгляд на историю рождения Иркутских городского и губернских гербов. С. 109.
- ⁵⁴ Автор выражает признательность А. В. Копелеву (Новосибирск) за деятельную помощь в процессе идентификации подписи С. И. Афонасенко на согласованиях в гербовых проектах и объяснениях к ним. Также выражаем благодарность за помощь в небольшом научном эксперименте с подписью И. М. Афонасенко (Брянск), проведенным во время конференции.
- ⁵⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 73. Л. 1–1 об.
- ⁵⁶ Здесь мы просто не можем не сослаться на замечания И. Б. Емелина по поводу того, что отечественная геральдика слишком часто представлена фрагментарно, с выделением ряда знаковых периодов и личностей, но с большой лакунарностью между периодами – «как будто в них ничего не происходило». См.: *Емелин И. Б.* Неизвестные гербы Охотска и Петропавловска-Камчатского XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа. 2019. Т. 98 : Геральдика : Исследования и практика. С. 125.
- ⁵⁷ Это не единственный пример. Расхождения в оценке проектов встречаются и в других случаях. К примеру, 10 июня 1858 года управляющий гербовым отделением Кёне пишет в рапорте герольдмейстеру о разногласиях и по делу о гербе г. Демьянска, «по которому последовали разные мнения членов Присутствия Гербового Отделения». Информация по этому поводу содержится в: Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 292. Л. 33–33 об. Но в целом вопрос этот в изучении территориальной российской геральдики пока остается неисследованным и весьма перспективным для дальнейшего научного поиска.
- ⁵⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 292. Л. 55–55 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 51–51 об.
- ⁶⁰ Хотя в это время, согласно справочнику Е. А. Потемкина, он должен вступить на должность товарища министра юстиции, а стать управляющим министерством юстиции только с 21 октября 1862 года, занимая ее по 1 января 1864 года, когда затем сам становится министром юстиции. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). М., 2017. Т. 1 : А–З / сост. Е. А. Потемкин. С. 595.
- ⁶¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 292. Л. 52–52 об., 53–53 об.
- ⁶² Там же. Л. 58–58 об.
- ⁶³ Там же. Л. 60–60 об., 61.
- ⁶⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 5. Л. 384.
- ⁶⁵ Относительно несовершенства системы Кёне говорит и М. Ю. Медведев. Информация под иллюстрацией герба Мысовска Забайкальской области (утв. 26.04.1913). См.: *Медведев М. Ю.* Геральдический альбом Тюменской области. С. 22.
- ⁶⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 5. Л. 520.
- ⁶⁷ В исследовании М. М. Пашкова и И. М. Афонасенко также указывается на большую принципиальность Степана Ивановича Афонасенко в делах службы. См.: *Пашков М. М., Афонасенко И. М.* Генеалогия и геральдика дворянского рода Афонасенко. М., 2020. С. 23.
- ⁶⁸ *Емелин И. Б.* «Полное собрание законов Российской империи» как исторический источник по геральдике: на примере гербов Петрозаводска, Иркутска и других городов. С. 27–32; *Шпунтов А. В.* Гербы с жалованных грамот городов Новгород-Северского наместничества (северные уезды) и Орловского наместничества (западные уезды) // Труды Государственного Эрмитажа. 2020. Т. 102 : Геральдика : Исследования и практика. С. 94–103. Косвенно на необходимость публикации указывает и М. Ю. Медведев, когда говорит о том, что «Гербовник Рейтерна» остается неопубликованным и ныне сохраняется в Российском государственном историческом архиве. См.: *Медведев М. Ю.* Геральдический альбом Тюменской области. С. 29.